

Научная статья

УДК 614.2

<https://doi.org/10.25742/NRIPH.2022.01.009>

«УПОТРЕБИТЬ ВСЕВОЗМОЖНЫЕ СРЕДСТВА К ИСТРЕБЛЕНИЮ ЗАРАЗИТЕЛЬНОГО НЕДУГА»¹

Фруменкова Татьяна Георгиевна¹

¹ Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, frumentat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6708-8233>

Аннотация

Статья анализирует деятельность чиновников и врачей московских Мариинских учебно-воспитательных заведений и больниц, а также покровительницы этих учреждений, императрицы Марии Федоровны, по предотвращению эпидемий в конце 1812–начале 1813 г., после выхода из города армии Наполеона. Больничные палаты, а также опустевшие после эвакуации институток и части воспитанников помещения женских институтов и воспитательного дома, требовали серьезной дезинфекции и ремонта, так как более месяца их занимали французские больные и раненые. До 2,5 тысяч из них умерли и были похоронены у стен воспитательного дома. После наступления морозов московским властям пришлось провести их перезахоронение. Дезинфекция помещений воспитательного дома и женских институтов проводилась до середины лета 1813 г. Принятые меры профилактики позволили не допустить в этих учреждениях, а также в Москве, вспышки инфекционных болезней.

Ключевые слова:

история медицины, Отечественная война, 1812 год, Москва, инфекционные болезни, эпидемия

Original article

COVID–19: HISTORY LESSONS (PERSONAL OPINION OF A SCIENTIST)

Frumenkova Tatiana Georgievna¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, frumentat@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6708-8233>

Abstract

The article analyzes the activities of officials and doctors of the Moscow Mariinsky educational institutions and hospitals, as well as the patroness of these institutions, the Empress Maria Feodorovna, to prevent epidemics in late 1812–early 1813, after the withdrawal of Napoleon's army from the city. The hospital wards, as well as the rooms of the women's institutes and the foundling house, which were empty after the evacuation of the institutes and some of the inmates, required serious disinfection and repair, as they were occupied by French patients and wounded for more than a month. Up to 2.5 thousand of them died and were buried near the walls of the foundling house. After the onset of frost, the Moscow authorities had to reburial them. Disinfection of the premises of the foundling house and women's institutes was carried out until the middle of the summer of 1813. The preventive measures taken made it possible to prevent an outbreak of infectious diseases in Moscow.

Keywords:

history of medicine, Patriotic war, 1812, Moscow, infectious diseases, epidemic

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19 – 09 – 00128.

В переписке вдовствующей императрицы Марии Федоровны с сотрудниками подведомственных ей московских благотворительных заведений в конце 1812–начале 1813 г., после отступления армии Наполеона из Москвы, одним из центральных вопросов стала борьба за предотвращение эпидемий. В свое время Павел I назначил супругу главноначальствующей над воспитательными домами в обеих столицах еще в 1797 г., а иногда даже называл ее «главнокомандующей над воспитательными домами». В 1812 г. в управлении и полном подчинении вдовствующей императрицы находились также Екатерининское училище для «недостаточных» дворянских дочерей с отделением для обер-офицерских дочерей (Александровское училище), вдовый и инвалидные дома, а также ряд благотворительных больниц. В августе 1812 г., когда неприятель приближался к Москве, женские институты (училища), кредитно-финансовые учреждения воспитательного дома, а также его старшие питомцы (девочки старше 11, а мальчики – старше 12 лет) были эвакуированы в Казань.

В занятой французами Москве оставшиеся заведения состояли под управлением главного надзирателя воспитательного дома И.А. Тутолмина: младшие питомцы дома и их воспитатели, персонал больниц – Мариинской больницы для бедных под руководством главного лекаря Ф.Х. Опделя, Павловской больницы под началом смотрителя П.П. Носкова, инвалидных домов, вдовьего дома. Опустевшие здания женских институтов и вдовьего дома (вдов распустили по домам с пенсией) были переданы в распоряжение главнокомандующего Москвы графа Ф.В. Ростопчина. Предполагалось лечить в них русских раненых. Однако их было немного. Исключение составлял Кудринский вдовый дом. Здесь к 1 сентября было размещено до 3000 солдат. После объявления о спешном выходе русских войск из Москвы там оставалось не менее половины раненых. 3 сентября во время пожара дом сгорел. В огне погибло около 700 человек. Смотритель не имел возможностей спасти дом от пожара, служителей при раненых не было [1, с. 234–235].

Во время пребывания французов в Москве русскими ранеными были заполнены также помещения Александровского института. В больничных зданиях неприятель разместил свои госпитали [2, с. 152–158]. Несколько тысяч французских

раненых одновременно находились в пустующих после эвакуации части питомцев помещениях воспитательного дома. 12 октября, в первом письме, отправленном после освобождения Москвы, И.А. Тутолмин поведал о том, что 10 октября вражеские войска покинули город, попытавшись поджечь Кремлевский дворец и взорвать Кремль. От ударной волны в здании воспитательного дома, несмотря на открытые окна, во многих местах разбились стекла, были выбиты двери и оконные рамы, обвалилась штукатурка, часть его помещений была занята оставленными французскими ранеными и больными числом до 1500 человек и находилась «в большой нечистоте и беспорядке». Здания женских институтов и вдовый Лефортовский дом были «расхищены и в большой нечистоте». Русских раненых французы там заменили своими [2, с. 151; 3, с. 120].

Х.Ф. Оппель 15 октября писал, что хорошее благоустройство и чистота больницы, которые так понравились французским медикам, «к горести нашей совсем были испровергнуты. От множества больных, многих в коридорах валявшихся и изнурительными поносами одержимых, от их неопрятности и самовольства, воздух сделался испорченным и заразительным». Из-за несоблюдения правил гигиены, кроме всех прочих, тяжело заболели штаб-лекарь Рожалин и лекарь Стрелецкий, которые «и теперь еще не выздоровели» [2, с. 152–153]. П.П. Носков 28 октября доносил, что французские раненые из Павловской больницы вывезены, но «беспорядок, нечистота и своевольство» [2, с. 158], которые позволяли себе больные французские офицеры, причинили персоналу больницы много беспокойства.

И.А. Тутолмин вновь сообщил о загрязнении воспитательного дома в обстоятельном письме: «Теперь, освободясь от лазаретов сих, наполненных всякого рода неопрятностию и несносным воздухом, и занимаюсь очищением оных и приведением, сколько возможность позволит, в порядок, но жить в сих помещениях еще долгое время нельзя будет, ибо вкоренившейся язвительной мокроты, протекшей в отделениях сквозь полы, а в коридорах не прошедшей нечистоты и вони никак невозможно скоро вывести» [2, с. 170].

В том же письме И.А. Тутолмин сообщил, что в огромном здании воспитательного дома французы разместили два госпиталя, в которых одновременно находилось около 3000 человек, а за

все время через них прошло до 8000 раненых и больных. Ежедневно в квадрате внутренней, основной части воспитательного дома, умирали от 20 до 50 раненых. Всего в квадрате скончались до 1500 неприятельских солдат и офицеров. Их тела были похоронены на пустыре у городской стены Китай-города, в черте воспитательного дома. В том лазарете, который располагался в окружном строении, длинном наружном здании дома, умирали ежедневно от 15 до 30 человек, и еще около 1000 умерших были зарыты поблизости от окружного строения, за чертой воспитательного дома. Хотя, по сведениям И.А. Тутолмина, для предосторожности «на тела и сыпана была известь, но за недостатком – небольшое количество, почему и могут весною от дурных испарин произойти разительные болезни» [2, с. 168].

Сведения о недавних захоронениях французов, возможно, умерших от инфекционных болезней, привели императрицу в ужас. «Меня уверили, что мертвых хоронили на дворе воспитательного дома. Правда ли сие? – Спрашивает она в собственноручной приписке к письму от 18 октября и тут же, еще не получив подтверждений, требует: «Примите всевозможные предосторожности к отвращению худых последствий курениями, рассыпкою извести и т.п.» [2, с. 155–156].

Для предотвращения эпидемий от свежих могил, появившихся у стен дома, И.А. Тутолмин почел необходимым обратиться с рапортом к главнокомандующему Москвы с сообщением об импровизированном кладбище, неожиданного появившемся в самом центре города. Он также уточнил информацию, полученную императрицей. Главный надзиратель заявил, что сведения, будто бы мертвых хоронили во дворе воспитательного дома, несправедливы. Он заверил августейшую начальницу, что никогда не забывал о необходимости «отвращения заразительных болезней». Умерших во французских госпиталях хоронила прислуга воспитательного дома. Иначе трупы по неделе валялись бы по коридорам и площадкам, потому что французский персонал больниц постоянно менялся, что усиливало беспорядок. После наступления морозов главный надзиратель собирался настоятельно просить Ф.В. Ростопчина о вывозе недавно захороненных тел за город. Узнав об опасном загрязнении своих заведений и возможности возникновения в них эпидемий, императрица 21 октября приказала заготовить в сто-

лице партию медикаментов и отправить их в Москву со специальным чиновником. Доставленные в пострадавший город лекарства были разделены между воспитательным домом и больницами [2, с. 168; 4, л. 233–234, 310; 5, л. 48–49].

Мрачную картину жизни французских раненых в Москве почти не дополняют сведения о положении русских раненых. Многие больницы неприятель от них освободил, просто прогнав их или бросив без помощи. Х.Ф. Оппель сообщал императрице, что оставшиеся в больнице для бедных при начале поступления французов русские больные – 56 мужчин и 75 женщин, всего 132 человека, французскими властями были отправлены в Екатерининскую больницу. Там их оставили без всякого пропитания и присмотра. В результате все, кто мог, разбежались из больницы, и их дальнейшая судьба лекаря была неизвестна. В другом своем письме к Г.И. Вилламову доктор Х.Ф. Оппель повествует о 300 русских пациентах в Александровском училище. Сотрудники больницы для бедных пытались помогать им, за что получили от французского начальства «неудовольствие, грубость и угрозы» [2, с. 152; 4, л. 168].

Итак, московские чиновники и медики сразу начинают работу по предотвращению эпидемий, а сотрудникам воспитательного дома пришлось противостоять и болезням питомцев. Когда Х.Ф. Оппель после освобождения Москвы попробовал заикнуться об отпуске, Г.И. Вилламов ответил, что императрица предлагает ему устроить так, чтобы в его отсутствие безостановочно продолжалась очистка, побелка, окраска помещений и, соответственно, подготовка к открытию больницы. Еще через несколько дней Х.Ф. Оппелью вновь напомнили, что Мария Федоровна не сомневается, что он немедленно приступит «к очищению больницы от нечистоты и заразительного воздуха перебелением всех стен негашеною известью, проветриванием, окурением и т.п.» [4, л. 200, 205 об.]. Главный лекарь больницы для бедных понял, что с отпуском следует повременить.

При этом всерьез заняться дезинфекцией удалось лишь тогда, когда были вывезены французские раненые, то есть, после 31 октября. В воспитательном доме остались 9 неприятельских офицеров, для перевода которых Ф.В. Ростопчин подходящих помещений не нашел и просил оставить их в доме.

После вывоза французов из воспитательного

дома императрица приказала «употребить всевозможные средства к истреблению заразительного недуга выбеливанием, проветриванием и окуриванием покоев, вымытием полов и постелей» [4, л. 212–212 об.]. Главный же надзиратель известил ее, что занимается очисткой и приведением в порядок служебных кабинетов, а также дортуаров, классов и коридоров воспитательного дома, намеревается на всю зиму оставить окна и двери открытыми, в надлежащее время проводить разного рода окуривания, на половине воспитанников регулярно производит окуривание уксусом и можжевельником», а 2 ноября повторил обер-полицеймейстеру сообщение о телах, захороненных около дома. 4 ноября И.А. Тутолмину сообщили итоги консилиума, собравшегося 2 ноября для выяснения причин и путей прекращения среди детей, кормилиц и чиновников простых и кровавых поносов. Врачи заявили, что их причинами могут быть, во-первых, последствия нервного потрясения от октябрьских взрывов Кремля; во-вторых, «влияние воздуха, наполненного различными вредными и гнилыми испарениями, происходящими от нечистоты» той части дома, что была занята французами; в-третьих, употребление, из-за нехватки кваса, сырой воды. Вода же в Москве оказалась зараженной из-за множества попавших в реку и в колодцы трупов людей и лошадей; в-четвертых, скудная пища. С целью очистки воздуха производилось окуривание кислотами по всем больницам и отделениям. Для питья использовали «отварную сухарную воду с красным вином, ячменный отвар». Употребление сырой воды было запрещено. Пища состояла из супа с телятиной и овсяной крупой, а также из овсяного киселя. Ослабленных больных кормили куриным супом, для подкрепления им давали вино. Страдавших поносом лечили «вяжущими крепительными» лекарствами [4, л. 159, 160, 170].

В письме от 12 ноября Мария Федоровна одобрила обращение к московским властям по поводу принятия предохранительных мер в связи с захоронением поблизости от воспитательного дома нескольких тысяч французов. Она также предписала главному надзирателю лично съездить к Ф.В. Ростопчину и от ее имени вновь напомнить главнокомандующему о крайне вредном влиянии, которое множество трупов должно иметь на здоровье живущих в воспитательном доме. И.А. Тутолмину было предписано сказать, что Ф.В. Ростопчин окажет ей удовольствие, если немедленно

примет меры к прекращению этого пагубного влияния. Августейшая покровительница благотворительных заведений также посоветовалась с лейб-медиком А.А. Крейтоном. Придворный врач заявил, что считает негашеную известь «наилучшим способом к истреблению смрадных и смертоносных от трупов испарений» [5, л. 65–65 об.]. Воду для питья следовало использовать только процеженную. Императрица потребовала вырыть для воспитательного дома новые колодцы. Она занялась и приобретением хорошего вина для больных. К письму от 14 ноября был приложен рецепт очистки воды при помощи угольного фильтра, впрочем, едва ли уничтожающего бактерии и вирусы, то есть, опасность распространения заразных болезней.

В тот же день, 14 ноября, из воспитательного дома направлено очередное письмо с подробным рассказом об очищении воздуха в условиях оттепели и сырой, влажной погоды. Во всех отделениях дома производилось окуривание кислотами, можжевельником, уксусом с мятой, смолистыми веществами, коридоры окуривали можжевельником и дегтем, а во дворах разложили кучи навоза с можжевельником и дегтем, которые постоянно дымились [5, л. 75]. Совет о колодцах пришлось отвергнуть. Колодцы для воспитательного дома пытались рыть регулярно, но хорошей воды получить так и не смогли. Его здания были построены на слишком низком болотистом участке. Вода оказывалась ржавой и негодной к употреблению. И.А. Тутолмин сообщал, что в настоящее время «возится вода из громовых колодезей, ... хорошая, а в случае ее мутности я прикажу оную процеживать» по присланному рецепту [5, л. 75, 103 об.].

Вскоре обнаружилось, что оставшиеся в доме неприятельские офицеры не так опасны с эпидемиологической точки зрения. Императрица приказала проявить благотворение, основанное на христианских принципах, воздавая и неприятелю за зло добром, удобно разместить офицеров в доме, старательно ухаживать за ними и прибавила к их содержанию 500 руб. из личных средств. 18 ноября из Москвы сообщили о решении одной из важнейших и тяжелейших проблем: к этому времени после наступления холодов силами полиции была проведена эксгумация похороненных возле дома трупов, тела умерших вывезли из центра Москвы. 22 ноября Г.И. Вилламов написал, что по повелению императрицы в столице была за-

куплена бочка лучшего портвейна и сто бутылок мадеры. Вино с возможными предосторожностями было отправлено в Москву. Его полагалось использовать по назначению медиков при поносах и «гнилых горячках» (портвейн для взрослых, а мадеру для детей). Рекомендовалось также «уделить несколько портвейна и в больницу для бедных» [5, л. 103, 146].

Параллельно с помещениями воспитательного дома проходила и дезинфекция больничных зданий. Целью императрицы являлось возвращение всех заведений в то состояние, в котором они находились до вражеского нашествия. 7 ноября государыня потребовала от П.П. Носкова приложить старание для очищения больницы и приведения ее в первоначальный вид. Смотритель сообщил, что продолжает заниматься дезинфекцией Павловской больницы настолько, насколько может найти в Москве работников, постарается побыстрее привести ее в порядок и начать на прежнем основании прием больных, большая часть которых и теперь поступает из купцов и мещан, получивших увечья от неприятеля. В тот же день Х.Ф. Оппель доносил, что ему остается только побелить палаты и коридоры, в также вычистить «нужные места», к чему он собирался приступить безотлагательно, и тогда сможет открыть прием больных [5, л. 105–106].

25 ноября Г.И. Вилламов заявил, что Мария Федоровна выразила особенное удовольствие действиями Х.Ф. Оппеля, потребовала, чтобы он сообщил о предстоящем открытии больницы главнокомандующему в Москве и обер-полицеймейстеру. Наконец, 23 декабря императрица с удовлетворением увидела из донесения Х.Ф. Оппеля, что его больница открыта для приема больных и благотворительных действий 16 декабря. Павловская больница открылась еще через несколько дней [3, с. 120; 5, л. 179; 6, л. 82].

27 ноября отчет об обследовании воспитательного дома отправили в Петербург 3 медика и архитектор Д. Жилярди. По их утверждению, занятая прежде французскими лазаретами часть квадрата не может быть заселена питомцами. Во-первых, там побывало большое число больных с разнообразными заразными и эпидемическими болезнями, в госпиталях не соблюдались чистота и порядок. Хотя после выхода французов из Москвы и принимались все меры для очищения помещений и воздуха, но эти средства по

краткости времени не могли до конца истребить той заразы, которой пропитались полы и стены. Во-вторых, время года не позволяет осушить комнаты и коридоры, а сырость может иметь вредное влияние на здоровье детей. В-третьих, теплый весенний воздух, соединившись с испарениями, которые могли произойти от разложения множества тел погибших, вбирая в себя также испарения от стен и полов не до конца еще очищенных помещений, может привести к эпидемиям среди детей. Комиссия заключила, что использованная неприятелем под госпитальную базу половина здания может быть заселена воспитанниками только с наступлением лета. В продолжение же ближайших месяцев участники совещания сочли за нужное засыпать полы известью, соскоблить со стен во всех комнатах краску, после чего также вымазать их известью. Для проветривания следовало держать открытыми все окна. Когда, наконец, «будут осушены все покои, то для совершенного уничтожения болезненной материи приступить к окуриванию кислотами по методе доктора Гитона Морво» [5, л. 211–211 об.].

Руководителям дома пришлось проявить смекалку, осуществить ряд переселений, чтобы подобрать в чистой половине комнаты для начала нового приема питомцев, который открылся 1 января 1813 г. Здания институтов также потребовалось дезинфицировать и отремонтировать, а русские раненые были вывезены из Александровского училища только в январе 1813 г. [6, л. 103–104, 232–232 об.; 7, л. 37, 51, 57].

Забегая вперед, следует сказать, что планы московских врачей и Д. Жилярди были выполнены. 13 июня 1813 г. императрица написала почетному опекуну А.М. Лунину о планах возвращения воспитанников учебно-воспитательных заведений из Казани в Москву. Она сообщила, что здания обоих институтов будут готовы к 15 июля, а для лучшей еще просушки и проветривания комнат она на всякий случай прибавляет неделю или две, и потому предполагает, что воспитанницы институтов, как и находящиеся в Казани питомцы воспитательного дома, могут прибыть в Москву в конце июля. Институток привезли в Москву 31 июля, подростков из воспитательного дома – 3 августа 1813 г. [8, л. 97–97 об., 168, 171–171 об.].

Кстати, императрица пыталась связать с болезнями пленных солдат наполеоновской армии и распространение «горячек» в Казани, затронув-

ших эвакуированных питомцев воспитательного дома и институток. Однако чиновники местной врачебной управы ответили, что рост заболеваний вызван постоянной сыростью, холодными затянувшимися суровыми зимними морозами. Подобные болезни распространялись и в прошлые годы в таких же обстоятельствах, а того, чтобы пребывавшие в Казани пленные оказали особое влияние на рост заболеваемости, они не заметили [7, л. 54, 136].

В результате активных действий, в московских заведениях Мариинского ведомства в конце 1812–начале 1813 г. удалось не допустить возникновения вспышки инфекционных заболеваний. Не стоит забывать, что из средств дезинфекции сотрудники и низшие служители воспитательного дома и благотворительных больниц имели возможность использовать почти исключительно негашеную известь, поэтому основные их действия сводились к наведению чистоты, а также к проветриванию и просушке помещений и заняли значительный период времени.

В заключение можно утверждать, что принятые меры позволили не допустить в Москве вспышки инфекционных болезней, что является одной из побед в Отечественной войны 1812 года (русско-французской войны 1812–1814 гг.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земцов В.Н. Судьба русских раненых, оставленных в Москве в 1812 г. // Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов: Материалы международной научной конференции. М.: Министерство культуры России, 2015. С. 225–250.
2. Переписка вдовствующей императрицы Марии Федоровны с председателем Московского опекунского совета А.М. Луниным, главным надзирателем Московского воспитательного дома И.А. Тутолминым, московским главнокомандующим графом Ф.В. Ростопчиным и другими официальными лицами в 1812 году // Москва в 1812 году. Воспоминания, письма и официальные документы из собрания отдела письменных источников Государственного исторического музея. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 137–177.
3. Багдадов И.И. Московский воспитательный дом и учреждения императрицы Марии в 1812 году // Москва в 1812 году. Воспоминания, письма и официальные документы из собрания отдела письменных источников Государственного исторического музея. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 100–136.
4. Российский государственный исторический архив. Ф. 759. Оп. 18. Д. 60 а.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 759. Оп. 18. Д. 60 б.
6. Российский государственный исторический архив. Ф. 759. Оп. 18. Д. 60 в.
7. Российский государственный исторический архив. Ф. 759. Оп. 18. Д. 62 а.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 759. Оп. 18. Д. 62 г.

REFERENCES

1. Zemtsov V.N. The fate of the Russian wounded left in Moscow in 1812. *Borodino i osvoboditel'nye pohody russkoj armii 1813–1814 godov: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Borodino and the liberation campaigns of the Russian army of 1813–1814: Materials of the International Scientific Conference]*. Moscow, Ministry of Culture of the Russian Federation, 2015. P. 225–250 (in Russian).
2. Correspondence of the Dowager Empress Maria Feodorovna with the Chairman of the Moscow Board of Guardians A.M. Lunin, the Chief Supervisor of the Moscow educational home I.A. Tutolmin, the Moscow commander-in-chief Count F.V. Rostopchin and other officials in 1812. *Moskva v 1812 godu. Vospominaniya, pis'ma i oficial'nye dokumenty iz sobraniya otdela pis'mennyh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Moscow in 1812. Memoirs, letters and official documents from the collection of the Department of Written Sources of the State Historical Museum]*. Moscow, Handwritten monuments of Ancient Russia, 2012. P. 137–177 (in Russian).
3. Bagdadov I.I. Moscow Educational House and Institutions of the Empress Maria in 1812. *Moskva v 1812 godu. Vospominaniya, pis'ma i oficial'nye dokumenty iz sobraniya otdela pis'mennyh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Moscow in 1812. Memoirs, letters and official documents from the collection of the Department of Written Sources of the State Historical Museum]*. Moscow, Handwritten monuments of Ancient Russia, 2012. P. 100–136 (in Russian).
4. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive]*. Fund 758. Inventory 18. Document 60 a. (in Russian).
5. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive]*. Fund 758. Inventory 18. Document 60 b. (in Russian).
6. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive]*. Fund 758. Inventory 18. Document 60 v. (in Russian).
7. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive]*. Fund 758. Inventory 18. Document 62 a. (in Russian).
8. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive]*. Fund 758. Inventory 18. Document 62 g. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фруменкова Татьяна Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент.
Author ID 463213

AUTHOR

Tatyana Frumenkova – PhD in History, Docent.
Author ID 463213

Статья поступила в редакцию 01.07.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 15.11.2021.

The article was submitted 01.07.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 15.11.2021.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Фруменкова Т.Г. «Употребить всевозможные средства к истреблению заразительного недуга» // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2022. № 1–2. С. 88–95. DOI: 10.25742/NRIPH.2022.01.009

FOR CITATION:

Frumenkova T.G. "Use all possible means to exterminate a contagious disease". *Byulleten' Nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N.A. Semashko [Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health]*. 2022. No. 1–2. P. 88–95 (in Russian). DOI: 10.25742/NRIPH.2022.01.009